

„ПОРГИ И БЕСС“

Обычно, когда рецензируешь какое-либо музыкальное произведение, стараешься точно определить жанр его и лишь затем, отталкиваясь от специфики жанра, оцениваешь достоинства и недостатки рассматриваемого сочинения. Но сейчас, делаясь своими впечатлениями о спектакле «Порги и Бесс», я вынужден отказаться от этого. Сочинение Джорджа Гершвина не укладывается в рамки одного какого-либо жанра: оно ни в коей мере не опера, но и не музыкальная драма в том понимании, как это до сих пор у нас было принято.

Некоторые считают, что «Порги и Бесс» выдержана в духе «народной оперы». Не берусь это утверждать, ибо не знаю, что такое «народная опера» в американской музыке.

Мне ясно лишь одно: и произведение это (музыка Джорджа Гершвина, либретто Дюбозе Хейворда, текст песен Дюбозе Хейворда и Айры Гершвина) и спектакль (постановка Роберта Брина) безусловно интересны.

Имя Джорджа Гершвина известно в нашей стране по широко исполнявшейся в 30-е годы и вновь недавно начавшей звучать на концертной эстраде «Голубой рапсодии» для фортепиано с оркестром. Сейчас композитор предстал перед нами как автор яркого музыкально-сценического произведения.

Гершвин умеет просто и органично сочетать трогательную, искреннюю лирику с глубокой драматизмом. Характеры и сценические положения обрисовываются им пластично, рельефно и притом очень простыми средствами. Примером этому может служить танцевальная сцена первой картины второго действия, сцена пикника: в партитуре здесь есть лишь труба и ударный инструмент. И этих простых средств вполне хватило для насыщенной и динамичной сцены!

Сильное впечатление производят такие страницы партитуры, как сердечная колыбельная жены рыбака Клары, вкладываемая затем в уста Бесс, укачивающей осиротевшего ребенка, как

проникновенный дуэт Порги и Бесс, как похоронная мелодия, звучащая в оркестре в сцене смерти Роббинса, или картина заклинивания в комнате Сирины во время урагана, когда звучат религиозные гимны. Трудно понять, как, но в партитуре «Порги и Бесс» сосуществуют и чисто оперные формы — арии, дуэты, ансамбли, хоры, и джазовые песенки, и танцевальные эпизоды, и шумовые эффекты.

Я не знаю, точно ли цитирует Гершвин в «Порги и Бесс» народные напевы. Но в каждой из его мелодий, в их чеканных, острых ритмах чувствуется народный негритянский характер, и это захватывает, волнует. И что приятно: в спектакле много речевых эпизодов, и все же музыке ощущаешь всюду. Она словно все время звучит, именно ей подчинено все в произведении.

Фабула спектакля, показанного нам группой «Эвримен-опера», сравнительно проста. Пезатейливый рассказ о трогательной любви нищего-калека Порги к Бесс — женщине, стремящейся вырваться из беспутной, разгульной жизни, но снова попадающей в ее тиски, — как бы является стержнем, вокруг которого наслаиваются события, вскрывающие сущность и основную мысль произведения — глубокую мысль о верности, о мечте.

Действие «Порги и Бесс» разворачивается в Катфилд-Роу, бедном негритянском квартале одного из южных городов США. Портюва беднота — грузчики, рыбаки, их жены, матери, дети, уличные разносчики, нищие — вот действующие лица спектакля.

Мне кажется, что в спектакле даже смакуется беспротестная нужда обитателей квартала. Добавлю к тому же, что либретто «Порги и Бесс» не лишено натуралистических деталей.

Режиссура спектакля отличается яркой выдумкой. Она своеобразна, интересна, логично вытекает из содержания произведения. Живые, разнообразные мизансцены, умение найти для каждого исполнителя, даже для артистов

миманса, для детей, активно участвующих в нем, тонкие, выразительные детали сценического поведения — все это характеризует постановщика с хорошей стороны. Все движения актеров подчинены строгому режиссерскому рисунку, отличающемуся острым ритмом и выразительностью. Более же всего впечатляет стремительный, ни на секунду не снижающийся темп всего спектакля, в котором каждый актер свободно с прекрасным чувством ансамбля ведет свою партию.

И все же хотелось бы сделать несколько замечаний режиссеру. На мой взгляд, те натуралистические детали либретто, о которых уже шла речь, слишком грубо, а в сцене пикника прямо-таки вульгарно подчеркнуты, «выявлены» постановщиком. Я отнюдь не проповедую сценический аскетизм. Но, право же, многие музыкальные приемы в той же сцене пикника и особенно в ее финале отнюдь не украшают спектакль, не способствуют обрисовке образов, раскрытию основной идеи произведения, показу жизни народа... Все это отвлекает внимание зрителя от основного — от музыки оперы.

Об актерах, исполняющих «Порги и Бесс», можно говорить много и подробно. Правда, голоса их неравноценны. Рядом с хорошими вокалистами Хетчерсоном, которого я слушал в партии Порги, Флауэрс, Тигген есть и такие, как Джексон, успех которого определяется в основном сценическим мастерством. Меня больше всего порадовали сценическая свобода исполнителей, их умелое владение певческой и разговорной речью и совершенно естественный переход от одного к другому, владение телом, жестом.

Тяжела, например, задача Лесверна Хетчерсона, исполнителя партии Порги. Создать образ калеки, провести трудную в вокальном и еще более в сценическом отношении роль с такой убедительностью может только большой певец и актер. Порги завоевывает симпатии слушателей своими искренними, глубоко человеческими чувствами.

Психологически правдиво, с мастерством перевоплощения прелела свою партию Марта Флауэрс — Бесс. Развязная, наглая в первой картине,

трогательно искренняя в дуэте с Порги, негодующая в сцене встречи с Кроуном (первая картина второго действия), она убедительно показывает различные грани характера своей героини.

Необузданным в своих чувствах и желаниях, жестоким, мстительным предстает перед зрителями портовый грузчик Кроун (Джон Мак-Керри), приводящий в страх всех окружающих своей гигантской силой. Однако хочется отметить, что этот артист не всегда соблюдает чувство художественной меры. Особенно это ощущалось в заключительном эпизоде сцены пикника.

Подкупает сценическое мастерство, ловкость, гибкость артиста Эрла Джексона, исполнителя роли изворотливого, словно гуттаперчового, торговца наркотиками Спортинг Лайфа. Но стоило ли вносить в этот образ столько опереточной протесковости? Ведь сейчас персонаж вызывает больше смеха, чем гадливости, хотя существо его такое, что должно было вызывать у зрителя отвращение.

У меня нет возможности говорить о каждом персонаже. Но, повторяю, все актерские работы — от главных партий до миманса — отличаются острой характерностью, яркостью, выразительностью. В частности, это относится к превосходно разыгранной сценке продажи земляники.

Говоря об исполнителях, нельзя обойти молчанием и искусного трубача — участника сценического действия, который с необычайной легкостью брал самые высокие ноты и создавал какой-то своеобразный колорит неожиданными приемами игры.

Высока и музыкальная культура спектакля «Порги и Бесс». Интонационно чистое, ровное пение и в сольных номерах, и в ансамблевых, и в хоровых — безусловно заслуга дирижера Александра Смолкенса. Он мастерски ведет этот трудный спектакль, и в этом ему чутко помогает оркестр Музыкального театра имени К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко. Как выразительно, например, была исполнена трогательная музыка антракта ме-

На снимке: сцена из музыкальной драмы «Порги и Бесс». Бесс — Марта Флауэрс, Порги — Лесверн Хетчерсон.

Фото А. Трошина.

жду первой и второй сценой второго действия!

Хорошо оформление спектакля (декорации Вольфганга Рота). Здесь все лаконично, просто, портативно и вместе с тем очень выразительно и динамично. И это помогло выдержать спектакль в живом, стремительном темпе, создать соответствующий музыке сценический образ произведения.

Спектакль «Порги и Бесс» в какой-то части необычен для меня, да и для всех наших слушателей. Как уже было сказано, не все в равной мере в нем я принял. Но в целом спектакль «Эвримен-опера» вызывает много мыслей и заслуживает серьезного творческого разговора.

Александр ГАУК.

СОВЕТСКИЙ КИНОТЕАТР
14 ЯНВ 1958